

Ругина Ольга Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права
Российского государственного университета правосудия
(Северо-Кавказский филиал)

rugina_olya@mail.ru

Olga A. Rugina

Candidate of Law, Associate Professor of the Criminal Law Department
of Russian State University of Justice
(North Caucasus branch)

rugina_olya@mail.ru

**К вопросу о значении актов Конституционного Суда РФ
как источника уголовного права**

**To the question of value of acts of the Constitutional Court
of the Russian Federation as source of criminal law**

***Аннотация.** В статье рассматривается интерпретационная практика Конституционного Суда РФ в области уголовного права. В результате анализа ряда последних решений Суда, посвященных толкованию уголовно-правовых норм, резюмируется, что указанные акты играют особую роль в механизме правового регулирования, поскольку непосредственно определяют содержание таких норм и порядок их применения с учетом Конституции РФ.*

***Ключевые слова:** правоприменение; судебное толкование уголовного закона; Конституционный Суд РФ; источник уголовного права.*

***Summary.** Interpretative practice of the Constitutional Court of the Russian Federation in the field of criminal law is considered in the article. As a result of the analysis of a number of the last judgments devoted to interpretation of criminal law precepts it is summarized that acts of this Court play a special role in the mechanism of legal regulation, because they directly determine the content of these norms and order of their application according to the Constitution of the Russian Federation.*

***Keywords:** law enforcement; criminal law interpretation; the Constitutional Court of the Russian Federation; source of criminal law.*

Конституционный Суд, являясь органом конституционного контроля, занимает особое положение среди государственных органов Российской Федерации, что предопределяет императивный характер принимаемых им решений. В юридической науке вопрос о правовой природе этих актов и необходимости придания им статуса источника права является дискуссионным. Одни ученые (Ю.Е. Пудовочкин[6, с. 66]) не рассматривают их в таком качестве, другие (О.Н. Бибик[1, с. 139], А.В. Елинский[2, с. 159], В.П. Коняхин[4, с. 128], К.В. Ображиев[5, с. 13], В.В. Степченко[7, с. 67]),

напротив, утверждают, что имеются все основания для признания формальными источниками уголовного права именно решений Конституционного Суда РФ.

Солидаризуясь со второй точкой зрения, полагаем, что акты Конституционного Суда, являясь формой негативного правотворчества, выступают юридическим источником и играют важную роль в механизме уголовно-правового регулирования. Вывод о нормативном характере и обязательности интерпретационной практики Конституционного Суда вытекает из предписания ч. 5 ст. 79 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 28.12.2016) «О Конституционном Суде Российской Федерации», запрещающего применение либо реализацию каким-либо иным способом нормативного акта или отдельных его положений в смысле, противоречащем истолкованию, сформулированному этой судебной инстанцией. С сожалением приходится констатировать, что процитированная норма распространяется лишь на правовые позиции, изложенные в постановлениях Суда, а об определениях законодатель по неясным причинам не упомянул. Между тем, представляется, что в них также можно обнаружить положения, непосредственно определяющие содержание норм уголовного закона с учетом Конституции РФ.

Хотя Конституционный Суд РФ в своей разъяснительной деятельности нечасто обращается к проблемам уголовного права, в его решениях (в виде как постановлений, так и определений) можно встретить значимые правовые позиции, анализ которых позволяет судить о степени совершенства российского уголовного законодательства, а также определить круг вопросов, вызывающих трудности в правоприменительной практике.

В частности, нередко в актах Конституционного Суда РФ затрагиваются проблемы осуществления амнистии. Иллюстрацией служит определение от 15 января 2016 г. № 4-О, в котором, проверяя конституционность п. 5 постановления Государственной Думы от 2 июля 2013 г. № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии», Конституционный Суд указал, что соответствующее нормативное положение и корреспондирующие ему нормы УК и УПК РФ не связывают возможность прекращения уголовного преследования в отношении подозреваемых (обвиняемых), выполнивших условие о возмещении убытков, с необходимостью получения от потерпевших согласия на возмещение ущерба исключительно в размере, определенном последними самостоятельно. Решая вопрос о применении либо неприменении акта амнистии, публичный орган уголовного преследования должен исходить лишь из суммы ущерба, установленной им и включенной в официальное обвинение, которое, имея под собой доказательственную базу в отношении конкретного преступления, делает амнистию, обусловленную возмещением убытков, юридически оправданной. Другим примером выступает определение от 9 февраля 2016 г. № 221-О, в котором было разъяснено, что амнистия не может распространяться на лиц, которые не смогли выполнить обязательства по возврату имущества и (или) возмещению убытков потерпевшим вследствие возмещения соответствующего

ущерба по решению суда в гражданско-правовом порядке, поскольку указанное основание применения амнистии предполагает проявление позитивного постпреступного поведения самими подозреваемыми (обвиняемыми) и основано на добровольности возмещения ими вреда. Полагаем, что, формулируя данную правовую позицию, Конституционный Суд исходил из того, что обязанность по возмещению причиненного ущерба лицом, совершившим преступление, как условие для прекращения в отношении него уголовного преследования была реально исполнимой.

Комментируя содержание принципа равенства перед законом независимо от пола и иных обстоятельств, а также запрета дискриминации по любому из признаков, в том числе и гендерному, Конституционный Суд РФ в определении от 29 сентября 2016 г. № 1913-О пояснил, что ограничения, предусмотренные ст. 57 УК РФ, связанные с неприменением наказания в виде пожизненного лишения свободы к женщинам, лицам, совершившим преступления в возрасте до 18 лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора 65-летнего возраста, не исключают уголовную ответственность таких лиц, а обеспечивают ее дифференциацию исходя из принципа гуманизма, а потому не могут расцениваться как дискриминационные.

Трактовке принципа формальной определенности закона посвящено постановление от 16 июля 2015 г. № 22-П, в котором, обнаружив неурегулированность правил осуществляемого физическими лицами перемещения через Государственную границу РФ с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС лекарственных препаратов, содержащих сильнодействующие вещества, не являющиеся наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами или аналогами, в целях личного использования по медицинским показаниям, Конституционный Суд обязал законодателя устранить выявленный пробел, позволяющий привлекать ввозящих подобные препараты лиц к уголовной ответственности по ст. 226.1 УК РФ за контрабанду. Интерпретируя требование правовой определенности в определении от 27 июня 2017 г. № 1437-О, Конституционный Суд пришел к важному выводу о том, что данный принцип не стоит абсолютизировать, поскольку с учетом системного характера российского законодательства и его отраслевого построения в уголовном законе могут и не приводиться детальные дефиниции всех без исключения используемых в нем правовых понятий, тем более когда их содержание может быть с достаточной полнотой выявлено путем анализа норм иной отраслевой принадлежности. Тем самым Суд подчеркнул, что отсутствие в ст. 263 УК РФ определения понятия «железнодорожный транспорт» не свидетельствует о неопределенности указанной нормы, поскольку оно раскрывается в ст. 2 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации». Сформулированная правовая позиция также нашла дальнейшее подтверждение в определении от 27 июня 2017 г. № 1412-О, в соответствии с которым диспозиция ч. 1 ст. 290 УК РФ, неконкретизирующая понятие

«способствовать», не может рассматриваться как допускающая ее произвольное применение, так как соответствующее понятие разъяснено в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».

Важнейшими принципами, на которых базируется российское конституционное правосудие, являются принципы справедливости, пропорциональности и соразмерности, что явно прослеживается из содержания постановления от 10 февраля 2017 г. № 2-П. Выявляя конституционно-правовой смысл положений ст. 212.1 УК РФ, Конституционный Суд РФ, не отрицая права федерального законодателя в интересах надлежащей защиты конституционно значимых ценностей прибегать к институту уголовной ответственности, используя для этого составы преступлений с административной преюдицией, в которых основанием для уголовного преследования будет являться новое (а не ранее имевшее) нарушение, но совершенное специальным субъектом – лицом, уже привлекавшимся к административной ответственности и подвергнутым административному наказанию[3, с. 81], вместе с тем отметил, что криминализация неоднократного нарушения установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования допустима, если отвечает следующим условиям. Во-первых, нарушение установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия лицом, ранее в течение 180 дней не менее трех раз привлекавшимся к административной ответственности, не может рассматриваться как общественно опасное и влечь уголовную ответственность, если оно не причинило или не создало реальной угрозы причинения вреда конституционно охраняемым ценностям. Во-вторых, для вменения ст. 212.1 УК РФ необходимо установить наличие у лица умысла на нарушение установленного порядка организации либо проведения мирных публичных мероприятий. В-третьих, обязательным для применения ст. 212.1 УК РФ является условие о том, что на момент совершения инкриминируемого деяния имелись вступившие в законную силу судебные акты о привлечении соответствующего лица не менее трех раз в течение 180 дней к административной ответственности за административные правонарушения, предусмотренные ст. 20.2 КоАП РФ. Вместе с тем, фактические обстоятельства, установленные этими судебными актами, не могут предопределять выводы суда о виновности лица, в отношении которого они были вынесены, в совершении преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ. И, наконец, в-четвертых, наказуемость этого преступного деяния должна быть обусловлена реальной степенью его общественной опасности, а назначение наказания в виде лишения свободы подразумевается лишь в случае, когда нарушение установленного порядка организации или проведения публичных мероприятий повлекло за собой утрату ими мирного характера либо причинение или реальную угрозу причинения существенного вреда конституционно охраняемым ценностям, притом что без назначения данного вида наказания не

представляется возможным обеспечить достижение целей уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 212.1 УК РФ. Тем самым посредством толкования Конституционный Суд указал на ряд существенных характеристик состава преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ, которые в этой статье законодателем прямо не предусмотрены.

В определении от 27 июня 2017 г. № 1410-О, вновь обращаясь к вопросу о конструировании законодателем составов преступлений с административной преюдицией, Конституционный Суд высказал сходное суждение, отметив, что ст. 264.1 УК РФ, допускающая возможность привлечения к уголовной ответственности лица, подвергнутого административному наказанию за соответствующее административное правонарушение до вступления этой нормы в силу, но находящегося в состоянии административной наказанности за него на момент совершения предусмотренного этой нормой деяния, не противоречит принципу «non bis in idem», поскольку не увязывает наступление уголовно-правовых последствий с теми ранее совершенными нарушениями, за которые лицо уже было подвергнуто административному наказанию.

Ценными для судебной практики являются решения Конституционного Суда РФ, касающиеся правильности реализации отдельных норм Особенной части, в частности, ст. 222 УК РФ. Поэтому в постановлении Конституционного Суда РФ от 17 июня 2014 г. № 18-П констатируется, что положение ч. 4 ст. 222 УК РФ, предусматривающее уголовную ответственность за незаконный сбыт холодного оружия, является неконституционным в той мере, в какой – в системе сохраняющего неопределенность правового регулирования оборота холодного оружия, имеющего культурную ценность, приводящую к его произвольному истолкованию и применению, – данное законоположение не учитывает специфику этого оружия и не исключает возложения на правонарушителя избыточной ответственности, несоизмеренной характеру содеянного, тем самым препятствуя лицу, желающему реализовать такое оружие в качестве предмета, имеющего культурную ценность, осознавать общественно опасный и противоправный характер своих действий, а также предвидеть их уголовно-правовые последствия. В определении от 7 июля 2016 г. № 1426-О Конституционным Судом был разрешен вопрос об уголовной противоправности хранения патронов к наградному оружию в количестве, превышающем емкость двух магазинов (обойм, барабанов). По мнению Суда, сами по себе положения ст. 222 УК РФ не предполагают признания уголовной противоправности в действиях лица, награжденного боевым оружием, при условии их совершения в установленных законом пределах: приобретать патроны разрешено лишь взамен израсходованных либо признанных непригодными, что исключает возможность увеличения числа хранимых боеприпасов по сравнению с указанным в разрешении на хранение и ношение наградного оружия. В качестве еще одного примера можно привести определение от 20 апреля 2017 г. № 837-О, в котором Конституционный Суд указал на допустимость квалификации по совокупности преступлений,

предусмотренных ч. 2 ст. 209 и ч. 3 ст. 222 УК РФ, ссылаясь на то, что эти статьи содержат описание разных деяний, существенно отличающихся по признакам объективной стороны и содержанию субъективной стороны преступления, а потому не могут рассматриваться как компоненты друг друга и не соотносятся между собой ни как часть и целое, ни как общая и специальная нормы.

Проанализировав интерпретационную практику Конституционного Суда РФ, можно заключить, что принятые им акты являются формальным источником российского уголовного права, который посредством истолкования конституционно-правового смысла нормативных предписаний и исключения из УК РФ противоречащих Конституции положений изменяет содержание формализованной системы уголовного права в целом.

Литература:

1. Бибик О.Н. *Источники уголовного права Российской Федерации*. – СПб., 2006. – 243 с.
2. Елинский А.В. *Конституционное измерение уголовного права // Сравнительное конституционное обозрение*. 2012. № 3. С. 159–176.
3. Иванчин А.В. *Справедливость позиции Конституционного Суда РФ по делу Ильдара Дадина // Уголовный процесс*. 2017. № 5. С. 78-83.
4. Коняхин В.П. *Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права*. – СПб., 2002. – 348 с.
5. Ображиев К.В. *Система формальных (юридических) источников российского уголовного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук*. – М., 2014.
6. Пудовочкин Ю.Е. *Источники уголовного права Российской Федерации // Журнал российского права*. 2003. № 5. С. 64–75.
7. Степченко В.В. *Решения Конституционного Суда Российской Федерации в уголовном праве*. – Владимир, 2007. – 172 с.

Bibliography:

1. Bibik O.N. *Sources of criminal law of the Russian Federation*. – St. Petersburg, 2006. – 243 p.
2. Elinsky A.V. *Constitutional measurement of criminal law // Comparative constitutional review*. 2012. No. 3. P. 159–176.
3. Ivanchin A.V. *Justice of a position of the Constitutional Court of the Russian Federation in the matter of Ildar Dadin // Criminal trial*. 2017. No. 5. P. 78–83.
4. Konyakhin V.P. *Theoretical principles of the construction of General part of Russian criminal law*. – St. Petersburg, 2002. – 348 p.
5. Obrazhiev K.V. *The system of formal (legal) sources of Russian criminal law: abstract of dis. ... PhD, Professor in Law*. – Moscow, 2014. – 62 p.
6. Pudovochkin Y.E. *Sources of criminal law of the Russian Federation // Journal of Russian law*. 2003. No. 3. P. 64–75.
7. Stepchenko V.V. *Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in criminal law*. – Vladimir, 2007. – 172 p.